

«СЧАСТЛИВАЯ ШАПОЧКА» СКАНДАЛИСТА

ТЕАТР Хайльбронн из ФРГ привез в Москву две пьесы об актерах: «Эдит Пиаф» Пэм Гемс и «Так делается театр» (по произведению Томаса Бернгардта «Скандалист»). Скандалиста сыграл Клаус Вагнер, художественный руководитель театра Хайльбронн.

Он — в полете: присел на крышку стола, одна рука вверх, вторую отвел назад, полы просторного плаща словно наполнились ветром; ноги отделились от земли. Сейчас взлетит. Такой вот «пассаж» для героя — крупного мужчины, отца семейства, драматурга, руководителя маленькой труппы, кочующей по городам Германии.

Бруксон-скандалист, попавший с труппой-семьей в заштатный Утцбах, проживает один свой день перед очередным спектаклем. Два часа сценического времени он нас не отпустит. Много лет герой Бернгардта, которого играет Вагнер, сочиняет и ставит комедию под названием «Колесо истории». Конечно, в ней выведены великие — Черчилль, Гитлер, Сталин. Понятно, что будут и другие экскурсии в историю. Комедия то или трагедия — определить решительно невозможно, ведь до самого спектакля дело не дойдет. Но Клаус Вагнер, чей герой требует поставить его имя после Шекспира и Гете, проживает это непрерывное горение, поиск, капризы и скандалы, мелочные упреки и неподдельное страдание — кошмар для окружающих! — так, что любовь и ненависть к нему всех понятны.

Талант не сыграешь. Как не сыграешь человеческую значительность и человеческое счастье. Когда на сцену выходит Скандалист-Вагнер, все это есть, и не оторвешься от его глаз, жестов, фигуры в светлом мешковатом костюме. Что-то такое сошлось в авторе, герое и исполнителе.

Бруксон рассказывает хозяину заведения, где предполагает нынче вечером сыграть свою комедию, о счастливой шапочке, доставшейся ему от деда. Он всегда надевает ее, когда сочиняет: «В ней хорошо думается». Белая кепка с мягким козырьком извлекается на свет, надевается набекрень, спектакль — практически это монолог — идет своим чередом, а нам — «хорошо думается». Ничто не способствует этому больше, чем колдовство, ко-

Казалось, у нас другие проблемы.

Казалось, так мы теперь устроены: «что нам Гекуба?»... Оказалось, все не так.

И зал — филиал Малого театра на Ордынке — полон. И вообще закон тут не писан. Вернее, есть один закон: всюду, и у нас тоже, почитаются талант и загадка творчества. Они открывают мир.

рое рождается искусством. А недавно умерший (ему не было и пятидесяти) Томас Бернгардт, великий одиночка современной литературы, самый знаменитый и самый ненавистный писатель в Австрии, чьи произведения провоцировали так же, как его личность, дает этому пищу.

Его главный герой говорит и действует, как правило, один, это его монолог. Он настаивает, чтобы пожарные позволили полностью отключить аварийный свет, чтобы любимый суп-пюре без жира был обязательно горячим, чтобы смахнули пыль и дали бы для представления портрет Гитлера, который и спустя десятилетие после войны хранится в этом пошлом интерьере; и чтоб жена, играющая мадам Кюри (историческая личность) загримировала лицо черным... Мелочи и крупное сочетаются причудливо, давая двойной и тройной ответ, а слово — пронзающее, провоцирующее, мучительное — доносит это ни на градус не снижающееся напряжение, интерес, обиду и утешение...

Современный мир и театр Бернгардт напрямую столкнул в своей последней пьесе «Площадь героев». Буклет для гостей не случайно приводит обширную цитату: «Кто такие мои соотечественники?

Шесть с половиной дебилов и буйно помешанных, которые непрерывно во все горло требуют режиссера. А когда он приходит, он сталкивает их в пропасть». Бруксон не хочет быть статистом. Он живой, он человек. И вот он снова выверяет мелочи, которые так важны перед представлением. Требуется поклонения. Интригует, унижает и ободряет, презрительно жалеет — ведет игру. А может быть, и он — тиран?.. В городе все-таки случается пожар; зрители по ту сторону просцениума отсутствуют. И вдруг становится по-настоящему страшно: он этого не выдержит и умрет. На месте, немедленно.

Но мы-то здесь, в зале. Мы пришли. И долго-долго аплодируем человеку театра, прошедшему финальную сцену в костюме, гриме и парике Наполеона. Он пережил на наших глазах свое Ватерлоо. Но ведь и в поражении можно быть прекрасным.

Елена МАЦЕХА.

● Клаус Вагнер в спектакле «Так делается театр».